

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

П.А. Сафронов

Рецензия на книгу: Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с. (Серия «Прагматический поворот»; вып. 2). ISBN 978-5-94380-078-8

Петербургские ученые Вадим Волков и Олег Хархордин уже более десятилетия работают в рамках той исследовательской программы, обозначение которой вынесено в название их книги. Справедливо говорить о сформировавшейся научной школе или направлении, активно развивающемся благодаря педагогической деятельности авторов в Европейском университете в Санкт-Петербурге, где ими читается одноименный книге курс. Теория практик постепенно получает и институциональное признание, выразившееся, в частности, в организации специального круглого стола «Теория практик и прагматический поворот в социальных науках» в рамках недавнего третьего Всероссийского социологического конгресса, проходившего в Москве в октябре 2008 г. Перечисленные обстоятельства поначалу заставляют неискушенного читателя искать за чередой историко-аналитических очерков общую теоретическую платформу. Надо отдать должное авторам: они решительно пресекают подобные наивные ожидания, честно сообщая, что «попытка выделить основные теоретические элементы, несущие конструкции теории практик, или бесплодна, или обречена на банальный результат» (с. 33). Безусловно, стремление избавиться от привлекаемых задним числом обоснований значимости своей работы вызывает понимание. Очевидно, гораздо лучше и достойнее предоставить тексту возможность говорить самому за себя. Проблема, однако, заключается в том, что говорит он по большей части чужими словами, поэтому требуется некоторое усилие воображения для восстановления авторской позиции как содержательного целого.

Проводя перед нами длинную вереницу имен от Мосса и Элиаса до Болтански, Тевено и Латура, Волков и Хархордин невольно создают впечатление, что разнообразие примеров может само по себе заменить движение мысли. Авторская позиция как бы отождествляется с движением взгляда, обзорающего панораму разнообраз-

ных вариантов теории практик. Вполне понятно желание представить вместе результаты длительных изысканий, многие из которых были опубликованы ранее в виде отдельных статей (Волков 1997; 1998; Хархордин 2001; Хархордин 2006; Хархордин 2007). Но что делать, если получившемуся целому не достает внутренней связности? Если теория практик существует только как «удобная территория для междисциплинарных исследований» (с. 12), то что, собственно, создает возможность ее использования, включая дидактическое представление, в виде некоторого сводного корпуса знаний? Было бы наивно утверждать, что единство является только результатом естественной ограниченности объема прочитанного. Видимо, ощущая необходимость придать большую устойчивость своему построению, авторы все же называют «две идеи», которые обеспечивают «единство практической парадигмы»: «“фоновый” характер и “раскрывающая” способность практик» (с. 17–18).

Источник концепции фоновых практик обоснованно усматривается петербургскими социологами в философии позднего Витгенштейна. Сформулированная им стратегия проблематизации повседневного опыта призвана устранить избыточное доверие к возможностям научного объяснения реальности. Задачей исследователя становится производство категориальных описаний, отражающих структуру и принципы функционирования тех или иных ситуативных рядов. Более того, теоретическое знание в конечном счете становится лишь особым образом организованным видом знания практического. Именно такой тезис, по мнению Хархордина и Волкова, отстаивали, наряду с Витгенштейном, Г. Райл и М. Полани, разбору взглядов которых посвящена третья глава книги. На методологическом уровне это означает неотделимость «теории» практик от практикования специфической установки на рефлексивную погруженность в обыденное существование. Теория практик работает в двух сопряженных режимах: теоретического описания и практического обнаружения флуктуаций данности. Мышление о практике извлекается из действий, формирующих типологические контуры человеческой идентичности.

Практика наделяется свойством «раскрывать» возможности самоопределения индивида в конкретном временном горизонте. Таким образом, человеку предоставляется возможность совпасть со своим окружением, оказаться вовлеченным в мир. Первичным условием общественной состоятельности оказывается растворение в наиболее массовых способах жизни, фундирующих усредненную понятность человеческого бытия. Из сказанного ясно, почему вторым основным источником идей, образующих практическую парадигму, согласно Волкову и Хархордину, является Dasein-аналитика раннего Хайдеггера. Используя ее прочтение, данное американским интерпретатором Хьюбертом Дрейфусом (Dreyfus 1991), петербургские ученые стремятся подчеркнуть нормализующий аспект практики, фундаментальный для ее статуса как предмета научного изучения. Оставим сомнения в корректности подобной социологизации хайдеггеровской метафизики на совести авторов, не склонных даже в малой степени жертвовать мощностью своего концептуального инструментария ради историко-философской точности.

Выведение происхождения теории практик именно от Витгенштейна и Хайдеггера имеет, по-видимому, статус замаскированной декларации принципов исследования. Пусть позитивная их формулировка остается достаточно расплывчатой, негативное содержание, связанное с желанием максимально дистанцироваться от

марксистского подхода к практике, выражено предельно четко. Авторы сознательно отказываются от проведения каких бы то ни было субъект-объект различений, предполагающих возможность апелляции к преобразующему, революционному характеру практики. Свойственное марксизму представление о роли практики в высвобождении человеческой сущности фактически квалифицируется как «гуманистическое» (см. с. 12). Иначе говоря, реальность практики не предполагает возможности ее критического испытания. Мы всегда находимся внутри практики и не можем выйти за ее пределы. Мы можем только менять перспективы, точки зрения, надеясь схватить некоторые элементы фона. Погружаясь в охоту за ускользающими призраками смысла, ученый-социолог занят теперь не объяснением реальности, а описанием деятельности или, вернее, семейства деятельностей, представляющихся его взору внутри данного сегмента социального мира. Теория практик не предполагает критического дистанцирования. Ее развитие инициируется конкуренцией описаний, каждое из которых имеет право на существование.

Организация социологической работы с семействами деятельностей, конфигурациями практик в представлении Хархордина и Волкова связана с адаптацией техник разработанного М. Фуко дискурсивного анализа (Фуко 2004) для гораздо более широкого предметного поля. В заключении девятой главы книги, специально посвященной «Археологии знания», мы обнаруживаем своего рода сумму методологических правил (с. 176–177). Во-первых, описание конкретной конфигурации должно сопровождаться индивидуализирующим указанием на центральные практики, статус которых отражен в структуре поименования. Во-вторых, функционирование конфигурации практик подчинено логике рассеяния и разряженности. В-третьих, «полный смысл» той или иной культуры задается посредством действий, реализующих определенную конфигурацию практик, и соотнесенных с этими действиями способов высказывания. Наконец, в-четвертых, единичная практика задается специфическим способом выведения на свет отдельной группы феноменов. Приведенный перечень не оставляет сомнений в желании авторов окончательно распрощаться с поиском единых структур общественного взаимодействия. Идея универсального теоретического синтеза, последняя попытка которого связывается с концепцией П. Бурдьё (с. 144), кажется им безвозвратно ушедшей в прошлое.

Теория практик как отрасль знания полностью сосредоточена на деталях. Социолог, подобно бродячему цирковому акробату, кочует на бескрайних просторах деятельности, останавливаясь то тут, то там. Дифференциация познавательного интереса при этом как бы воспроизводит действительное разнообразие практик. Описание каждой отдельной практики может рассматриваться в виде своего рода карты. Карты могут быть похожи, могут частично или полностью совпадать по содержанию, хотя даже факт совпадения карт не влечет за собой совпадения показанного на этих картах фрагмента реальности. Очевидно, что ни одна карта не может претендовать на отображение реальности в целом. Метафорически можно определить теорию практик как своего рода бесконечную картографию. Она размечает пути, ведущие к конкретным феноменам, и в этой направленности обнаруживает специфический исследовательский интерес. При этом она ре-актуализирует раскрывающиеся в феноменах стратегии деятельности. Подлинное существование нанесенного на карту удостоверяют постоянно возникающие сдвиги и изменения.

Вдохновленные идеями Ницше и Уайтхеда внимание к теме становления вообще чрезвычайно значимо для теории практик, как ее представляют Волков и Хархордин. В связи с этим закономерно выглядит обращение к философии Ж. Делеза в заключительной пятнадцатой главе книги. Разработанная им динамическая онтология трактуется как точное описание логики функционирования социальных практик. Принимая такую позицию, исследователь должен отказаться от установки на выявление сущности социальных процессов, которая превращается в эффект их протекания. Совокупность резонирующих колебаний различных конфигураций практик плетет ткань социальности, сложный рисунок которой уже не может быть объяснен в рамках традиционных схем причинно-следственных отношений. Здесь вступает в дело понятие о смежных, боковых, или, в терминологии Делеза, трансверсальных связях, объединяющих узлы поведенческих норм, властных предписаний, эмоциональных реакций в единый контур.

Каждый такой контур для внешнего наблюдателя представляет собой определенный социальный институт. Однако достигнутая стабильность не может рассматриваться как навсегда установленная. Напротив, для Делеза было принципиально важно подчеркнуть подвижный, мета-стабильный характер любого порядка. Судя по всему, Хархордин и Волков не чувствуют, как левая по духу мысль французского философа входит в противоречие с заявленной ими в начале книги «консервативной» ориентацией (см. с. 12). Более того, сомнительно, что делезианская метафизика вообще подлежит социологизации в смысле возможности ее наложения на описание массовых, типических взаимодействий. Опробовав этот прием на Dasein-аналитике Хайдеггера, авторы не критически переносят его на всю историю западной мысли XX столетия. Тем не менее, вопрос об индивидуальном вкладе в переструктурирование социальных практик имеет далеко не праздный интерес.

В какой мере возможно обратное влияние на структуру практик? Может ли отдельный человек или человеческое сообщество самостоятельно учреждать или корректировать практики? Поставленные вопросы связаны с осмыслением соотношения практики и общественного активизма. По мнению Волкова и Хархордина, практический активизм необходимо предполагает исходную конформность по отношению к господствующим инстанциям власти. Средовая мимикрия представляется им отправной точкой развертывания тактического сопротивления представителей подчиненных социальных групп давлению сверху. «Открытые», явные маргиналы, следовательно, не имеют шансов на эффективную организацию протестного движения. Источником активного действия всегда оказываются те индивиды или группы, которые недостаточно хорошо вписаны в имеющуюся конфигурацию практик, но более или менее успешно скрывают это.

Развивая идеи М. де Серто, авторы выделяют набор основных черт, присущих уклоняющейся от унифицирующего контроля логике практик (с. 199–201). К ним относятся высокая мобильность и отсутствие фиксированного места; гибкая сетевая организация без жесткой иерархии; манипулирование идентичностью, включая ее имитацию; оппортунизм и творческая адаптация к своим целям заимствованных у противника навыков и технологий. Общественный активист близко напоминает партизана, который обращает систему против нее самой, изнутри подрывая готовые способы поведения. Было бы интересно задуматься о том, можно

ли считать формой активизма саботаж действий власти, столь распространенный в российских условиях. Очевидно, что в этом пункте знание норм социального поведения тесно смыкается с моральной оценкой приемлемости тех или иных действий. Такая оценка глубоко связана с представлением о нормативных стандартах поведения, побуждающих индивида выстраивать свое взаимодействие с другими людьми определенным образом. Помимо прочих возможностей всегда существует возможность понять исполнение практических требований как соответствие некоторому образу жизни, как верность долгу.

Волков и Хархордин справедливо отмечают, что в области теории практики социологические понятия нередко очень тесно переплетены с этическими (с. 98 и далее). Осуществление любой деятельности сопряжено с формированием внутренних критериев совершенства, нарушение которых воспринимается индивидом как предательство самого себя. Дело в том, что практика — это не только игра по правилам, но и соблюдение верности неписаным нравственным обязательствам. Исполнение этих обязательств предполагает экзистенциальную погруженность со стороны человека. Активное личностное принятие определенного образа жизни не допускает последующей социологической рационализации. Мы сталкиваемся здесь с пределом социологической рефлексии, который одновременно оказывается и условием возможности этой последней. Каждое действие в рамках конфигурации практик отражает веру в то, что в этой конфигурации воплощается устройство реальности. Фиксированная картина мира и соответствующая ей система практик взаимно поддерживают друг друга. Прежде всего остального, практика должна стать переживанием, она должна быть прожита и пропущена через себя.

Жить в практике, жить практикой человека заставляет стремление к совершенству. Этот тезис является центральным в позиции А. Макинтайра, разбираемой в двенадцатой главе книги. Стяжание блага, заключенного в безукоризненном исполнении практических предписаний, может и должно быть достойно само по себе, безотносительно к последующей реакции. Такая мотивация, естественно, полностью непрозрачна для внешнего наблюдателя. Чтобы внутри практики стремиться к совершенству, нужно чувствовать свою связь с ней. Равнодушие убивает всякий смысл практического взаимодействия. Напротив, свободно стремясь к победе в честном соревновании с другими, мы придаем нашей практике действительно возвышенное значение. Вслед за Аристотелем Макинтайр подчеркнуто внимателен к акту сознательного выбора личности, учреждающему человеческую совместность. Овладение практикой становится синонимом овладения собой ради стяжания блага. Владеющий собой человек, достойно исполняя свои обязанности, служит примером для подражания со стороны окружающих. Образцовое поведение становится лучшим и даже единственным доказательством значимости стоящих за практикой ценностей. Твердое стремление не поступиться собой даже в малом превращает каждое действие в поступок.

Разумеется, в рамках одной небольшой рецензии невозможно охватить все тематическое богатство книги Вадима Волкова и Олега Хархордина. В ней на редкость мирно уживается огромное множество разнородных сюжетов, примеров, фигур. Подчас за избытком приводимых сведений теряется путеводная нить размышлений. Приемлемого уровня ясности относительно того, что же такое практика, мы не до-

стигаем, но это, по-видимому, и не входит в намерения авторов. Их заслуга в благородном деле расширения узких горизонтов отечественной социологии бесспорна. Теория практик, несомненно, будет становиться все более заметным явлением в российском интеллектуальном пейзаже. Во многом это вызвано слабостью и откровенной идеологической ангажированностью имеющихся методологических конструкций, от которых выгодно отличается практическая парадигма. Кроме того, она готова взять на себя своеобразную терапевтическую функцию, содействуя аналитическому представлению советского опыта. Успех теории практик отчасти объясняется и «компромиссным», нарочито междисциплинарным характером базовых положений, соединяющим результаты из самых разных отраслей знания в один концептуальный бульон. Насколько велико самостоятельное научное значение теории практик за пределами «капитализации» травматической памяти о коммунистическом прошлом, насколько продуктивны предлагаемые ею стратегии — решать читателю.

Литература

Волков В. В. «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3/4.

Волков В. В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.

Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1.

Хархордин О. В. Предисловие редактора // Бруно Латур. Нового времени не было. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

Хархордин О. В. Фуко и теория фоновых практик // Мишель Фуко и Россия. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний сад, 2001.

Dreyfus H. Being-In-The-World: A Commentary On Heidegger's Being And Time, Division I. Cambridge: MIT Press, 1991.